

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Хронология	11
Ключевые фигуры	12
ГЛАВА 1	
КИТАЙ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ	15
Исторические декорации	19
Шан	23
Чжоу	25
Цинь	33
Хань	42
Время: мыслить циклами	51
Пространство: мыслить кругами	58
Язык и письменность	63
Первоисточники	71
Синологи	75
ГЛАВА 2	
ДАО И ЕГО ПУТИ	79
Дао	80
Ци	87
Перемены и превращения	90
Взаимосвязь всего, инь и ян	94
ГЛАВА 3	
ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ	105
Позиционируя себя	107
Править, подавая пример	113
Недеяние	129
Тотальная власть	135
Потаенное и незримое	151
Высказанное и неизреченное	155
ГЛАВА 4	
ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ	166
Природа человека	168
Взрачивание побегов	181
Жизнь во множественном числе	187
Сыновняя почтительность	198
Заботиться беспристрастно или вообще не заботиться?	205
Гармоничное общество	215

ГЛАВА 5	
РИТУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	227
Ритуал	229
Музыка	240
Диссонанс	247
Закон	255
ГЛАВА 6	
ДУХИ И ПРЕДКИ	273
Предки	275
Поиски духа	284
Духи для правителя, духи для народа	295
Смерть и бессмертие	304
После Конфуция	318
ГЛАВА 7	
МИР ПРИРОДЫ	331
Тело физическое и тело политическое	334
Флора и фауна	345
Вода и нефрит	357
Аномалии в обществе, аномалии в природе	367
Окружающая среда	375
Наука или чувство	381
ГЛАВА 8	
РАБОТА И БОГАТСТВО	385
Первым делом — земледельцы?	386
Богатство и выгода	395
Рынок	402
Бедность	409
ГЛАВА 9	
ПИЦА И МЫСЛЬ	415
Как приготовить жаркое	417
Каков мир на вкус	424
Искусство повара Дина	427
Примечания и предложения по дальнейшему чтению	431
О научном аппарате книги:	
Комментарий редактора русскоязычного перевода	446
Первоисточники	449
Карты и иллюстрации с указанием источников	457
Карты	457
Иллюстрации	457
Благодарности	460
Предметно-именной указатель	461

ПРЕДИСЛОВИЕ

Китай утвердился на мировой арене, располагая небывалым экономическим и политическим могуществом. Марко Поло, венецианский путешественник XIII в., живописал богатства этой обширной империи, ее народы и города, и эти рассказы вошли в сборник, который назвали «Книгой чудес света» (*Le Livre des merveilles du monde*). Сегодня наши соприкосновения с Китаем и очарованность им стали гораздо более сложными и многогранными. Все больше людей — как дилетантов, так и специалистов — перестают воспринимать Китай как принципиально иную цивилизацию, как место, где бытовые обыкновения и моральные представления переворачивают с ног на голову все, что традиционно дорого той части мира, которая называет себя Западом.

Необратимо изменилась и карта человеческих путешествий. Прошли те дни, когда, как в XVIII в. — в эпоху Просвещения, европейский интерес к Китаю подогревала лишь горстка миссионеров или когда, как столетием позже, только избранные торговцы, дипломаты и священнослужители делились с Европой рассказами о достижениях и невзгодах угасающей Китайской империи. В сегодняшнем мире любой уважающий себя университет набирает талантливых китайских студентов и исследователей. Китай зримо и незримо ведет торговлю во всех уголках планеты. Товары, услуги и культурные достижения Китая можно получить, увидеть, услышать

и попробовать на вкус едва ли не в каждом доме. Молодежь пробует учить китайский язык в школе, университете или на вечерних курсах, движимая тем же любопытством, что привлекало гурманов к китайской кухне задолго до того, как лапша и пекинская утка прославились на весь мир.

При этом, однако, в наших школах, университетах и СМИ едва-едва складывается элементарное представление о том, как нужно преподносить будущим гражданам глобального мира базовые принципы китайской цивилизации и китайского образа мысли. До сих пор Китай оживал в наших нарративах только в те моменты, когда он либо появлялся на имперском горизонте Запада, либо включался в международную политику XX в., либо обзаводился значимой для нас (или даже угрожающей нам) экономикой. На университетских кафедрах философия все еще остается преимущественно греческой; кроме того, если верить некоторым учебным программам, у пятой части населения планеты вообще нет религиозных взглядов. За рамками своих встреч с Западом в глазах многих Китай по-прежнему остается краем чая и каллиграфии, поэзии и фарфора — а также немного странноватого императора. Но у тех, кто по-прежнему готов практиковать межкультурный диалог, основанный на противопоставлении «мы — они», есть повод задуматься: теперь средний китайский подросток или студент намного больше знает о нас, чем мы знаем о нем. Чтобы понять Китай, нам нужно начать мыслить по-китайски.

Чтение этой книги не требует предварительных знаний о Китае. Она разбита на темы исходя из моих личных предпочтений и приоритетов, на протяжении многих лет оформлявшихся в разговорах со студентами и слушателями. Поступив в университет, чтобы изучать Китай, его историю, язык(и) и философию, многие из моих студентов, как и я сам в восемнадцать лет, не знали, чего им ждать и с чего начинать. Надеюсь, эта книга даст любознательным людям некоторые опорные точки, позволяющие начать собственный диалог

с китайскими мыслителями. Читатели, которым не терпится сразу погрузиться в мир идей, могут пропустить первую главу: в ней предлагается общий обзор китайской истории, географии, классического китайского языка, а также описание имеющихся источников. Читатели же, не располагающие временем, могут обращаться к отдельным главам, не соблюдая их порядка.

Историки, которым недостает собственных идей, обычно изучают историю чужих мыслей. Китайские мудрецы, однако, не таковы. Лучший способ охарактеризовать китайскую мысль — это обозначить все то, чего в ней нет. На страницах этой книги вы почти не найдете теоретических рассуждений о том, как работает человеческий разум, или о том, существует ли в мире какая-то иная реальность, помимо нашей. Не будет здесь обсуждаться и то, как соотносятся материя и дух, что такое истина (а тем более логика) и существуют ли такие явления, как ум или знание. Почему? Потому что подобные вопросы (профессиональные философы зачисляли их в разряд эпистемологии и онтологии) не слишком интересовали китайских мыслителей. В классическом китайском языке даже не было слова, обозначающего философию; современный термин «чжэсюэ» был заимствован из японского в конце XIX в. и относился изначально только к западной философии*.

Китайская мысль всецело ориентирована на человека и практику его жизни. Главные вопросы, которые занимали лучшие умы Китая, не кто мы такие и что мы такое, но как нам надлежит прожить свою жизнь, как мы связаны с другими людьми, как нам следует организовывать общество и обеспечивать благополучие тех, кто живет с нами и за кого мы отвечаем. Человеческому поведению, природе человека и политике человеческого сообщества отводится глав-

* На рубеже XIX и XX вв. китайские интеллектуалы начали активно обсуждать вопрос о том, имеет ли право китайская мысль называться философией в западном смысле; дискуссия на эту тему не завершена до сих пор. — *Прим. науч. ред.*

ное место в этом повествовании. Сравнивая философские традиции, легко потеряться среди множества ответов на вечные вопросы, предлагаемых разными мыслителями. Но иную культуру можно понять гораздо лучше, если сначала, не беспокоясь об ответах, сосредоточиться на задаваемых ею вопросах. В Китае эти вопросы были такими: что делает человека добродетельным? Какой тип личности лучше подходит для управления и руководства? Как обеспечить и поддерживать порядок в обществе? Каким образом традиции прошлого могут принести пользу сегодня? Чему мы можем научиться у своих предшественников? Какие стратегии помогут нам перехитрить врагов и соперников? Как убеждать других в собственной правоте? Способствует ли общественная деятельность более полноценной жизни или лучше вообще удалиться от общества?

Мыслители Древнего Китая — главные герои этой книги — редко вступают в интеллектуальные споры ради самого спора. Большая часть их идей предназначена для жизненного наставления и практического воплощения. (Явная ирония, однако, состоит в том, что Конфуций, самый влиятельный из китайских мудрецов, не слишком преуспел на чиновничьем поприще и не смог найти правителя, который пожелал бы воплотить его идеи.) Они рассуждают о том, как правильно жить, совершенствовать себя и обретать гармонию с миром. Они ставят жизненный опыт выше теоретических знаний, и их учение затрагивает человека целиком — как разум, так и чувства. Изучать прошлое этих идей интересно, но еще важнее то, что они актуальны и сегодня.

ХРОНОЛОГИЯ

Доисторические времена и эпоха Ся

Династия Шан

ок. 1600 — ок. 1045 гг. до н.э.

Династия Чжоу

ок. 1045–256 гг. до н.э.

Период Западного Чжоу:

ок. 1045–771 гг. до н.э.

Период Восточного Чжоу:

770–256 гг. до н.э.

Период Весен и осеней:

770–481 гг. до н.э.

Период Сражающихся царств:

481–221 гг. до н.э.

Династия Цинь

221–206 гг. до н.э.

Династия Хань: 206 г. до н.э.— 220 г.

Западная (Ранняя) Хань:

206 г. до н.э.— 9 г.

Династия Синь (междоцарствие):

9–23 гг.

Восточная (Поздняя) Хань:

25–220 гг.

Эпоха Шести династий: 220–589 гг.

Династия Суй: 581–618 гг.

Династия Тан: 618–907 гг.

Эпоха Пяти династий: 902–979 гг.

Династия Сун: 960–1279 гг.

Период Северной Сун: 960–1127 гг.

Период Южной Сун: 1127–1279 гг.

Династия Юань: 1271–1368 гг.

Династия Мин: 1368–1644 гг.

Династия Цин: 1644–1912 гг.

Китайская Республика: 1912–1949 гг.

Китайская Народная Республика:

1949 г. — настоящее время

КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ

В этой таблице в приблизительном хронологическом порядке представлены ключевые китайские мыслители и другие исторические фигуры, упомянутые в книге. Полный список затронутых в работе персонажей приведен в именном указателе. В китайских именах сначала идет фамилия, затем имя (например, в имени Сыма Цянь Сыма — фамилия, Цянь — имя).

Конфуцианцы	Даосы	Легисты	Другие	Исторические фигуры
Чжоу (ок. 1045–256 гг. до н.э.)				Чжоу-гун (период деятельности — 1046–1036 гг. до н.э.)
				Гуань Чжун (ум. в 645 г. до н.э.)
Конфуций (551–479 гг. до н.э.)	Лао-цзы (период деятельности — ок. VI в. до н.э.?)			
			Мо-цзы (ок. 479–381 гг. до н.э.)	
	Ян Чжу (период деятельности — IV в. до н.э.)	Шан Ян (ок. 390–338 гг. до н.э.)	Сунь Бинь (?378–?301 гг. до н.э.)	
Мэн-цзы (ок. 372–289 гг. до н.э.)	Чжуан-цзы (ок. 369–286 гг. до н.э.)	Шэнь Бухай (ум. в 337 г. до н.э.)	Хуэй Ши (ок. 370–330 гг. до н.э.)	
	Сюй Син (период деятельности — ок. 315 г. до н.э.)	Шэнь Дао (ок. 360 — ок. 285 гг. до н.э.)	Гунсунь Лун (р. ок. 320 г. до н.э.)	

	Конфуцианцы	Даосы	Легисты	Другие	Исторические фигуры
	Сюнь-цзы (ок. 335 — ок. 238 гг. до н.э.)		Хань Фэй-цзы (ок. 280 — ок. 233 гг. до н.э.)	Чжоу Ян (306–?240 гг. до н.э.)	
Цинь (221–206 гг. до н.э.)	Лу Цзя (ок. 228 — ок. 140 гг. до н.э.)			Люй Бувэй, патронировавший написание трактата «Люйши чуньцю» (ум. в 235 г. до н.э.)	Цинь Шихуанди, Первый император (годы правления — 221–210 гг. до н.э.)
Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.)	Цзя И (201–169 гг. до н.э.)			Дун Чжуншу (ок. 179–104 гг. до н.э.)	Император У-ди (годы правления — 141–87 гг. до н.э.)
				Лю Ань, под патронажем которого создавался трактат «Хуайнаньцзы» (?179–122 гг. до н.э.)	Сыма Цянь (ок. 145 — ок. 86 гг. до н.э.)
					Лю Сян (79–8 гг. до н.э.)
				Ван Чун (ок. 27–100 гг. н.э.)	Бань Гу (32–92 гг. н.э.)
				Ван Фу (ок. 90–165 гг. н.э.)	Бань Чжао (ок. 48–116 гг. н.э.)
	Сюй Гань (171–217 гг. н.э.)			Ин Шао (ок. 140–204 гг. н.э.)	
Сун (960–1279 гг. н.э.)	Чжу Си (1130–1200 гг. н.э.)				

Г Л А В А 1

Китай во времени и пространстве

Что такое Китай? Кто такие китайцы? На первый взгляд подобные вопросы могут показаться излишними: это все равно что спрашивать Сократа, находятся ли Афины в Греции. Но задуматься тем не менее стоит.

Китайскую историю, как и европейскую, нельзя свести к линейному развитию неизменно статичной и монотонно однообразной части света. Учебники, путеводители и документальные фильмы тиражируют одну и ту же фразу, звучащую примерно так: «От остального мира Китай отличается тем, что он может похвастаться непрерывностью развития цивилизации, которая существует по крайней мере два с половиной тысячелетия» (или, вероятнее, даже дольше). Неудивительно, что при каждом удобном случае об этом с гордостью напоминают китайские политики, дипломаты и прочие общественные деятели. Да, многое в Китае имеет потрясающе древнюю историю. Но, как справедливо отметил социальный историк Вольфрам Эберхард, величие цивилизации определяется ее достижениями, а не заявками на максимальную древность. Бесспорно, достижений Китаю не занимать. Но претензии на принадлежность к «наиболее древней из существующих цивилизаций» на основе «самой длительной исторической преемственности» могут также создавать почву для скрытых или безосновательных притязаний на культурную исключительность.

Мы можем или даже должны прислушаться и к альтернативным трактовкам. Одна из них обратила бы наше внимание на то, что в истории Китая моменты политического и географического единства перемежались веками раздробленности. За один только период, продолжавшийся с начала III до середины X в. н. э., над территорией Китая или ее частями властвовали более сорока пяти династий. А если заглянуть еще дальше в глубь времен, то обнаружится, что более десяти столетий прошло, прежде чем в 221 г. до н. э. страна впервые преобразовалась в империю. Иначе говоря, историческая преемственность в Китае отмечена множеством разрывов. На протяжении длительных отрезков времени общественная элита и высшие чиновники правящих режимов не были этническими китайцами. Скажем, около четырех веков исторической хронологии Китая приходится на господство монголов и маньчжуров (династии Юань и Цин).

Чтобы перестать воспринимать Китай как монолитного великана — спящего, беспокойного или восстающего, стоило бы трактовать его историю как историю регионов, понимая, что его население было географически, а зачастую и этнически разнообразным, а перед представителями власти неизменно стояла нелегкая задача примирять отдельные части страны с требованиями, предъявляемыми политическим центром. Последнее оставалось важнейшей задачей любой власти, стоящей во главе Китая, — от императорских домов прошлого до коммунистической партии и тех, кто у руля теперь. Наличие самобытного и выраженного регионального сознания накладывает отпечаток на всю долгую историю Китая. Одна из ее констант — разделение страны на север и юг. Постепенное распространение на юг народности хань, родиной которой был бассейн Хуанхэ, сыграло важнейшую роль в китайской истории. На севере политическое, общественное и экономическое развитие шло под влиянием постоянной угрозы вторжений кочевников-некитайцев. Гораздо менее населенные западные земли были воротами в Централь-

ную Азию. В определенные моменты эти окраины Китайской империи оказывались в ряду самых многонациональных и многоязычных областей мира того времени. В сегодняшнем Китае регионализм продолжает занимать заметное место в политической повестке — это отражается, к примеру, в возродившемся интересе к локальному наследию или в спонсируемом государством изучении местных культур. В целом же, говоря о Китае, китайцах или китайском, мы в значительной мере руководствуемся соображениями терминологического удобства: это позволяет более или менее однотипно маркировать этнические группы и географические локации, расположенные в меняющихся политических границах того пространства, которое приблизительно соответствует сегодняшней Китайской Народной Республике.

Происхождение названия «Китай» [China] само по себе остается предметом споров. Согласно одной из распространенных точек зрения, оно связано с Цинь — названием царства, основавшего первую объединенную империю. Но санскритское наименование *Cīna* уже встречается в индийских источниках, которые, возможно, датируются двумя веками ранее. До объединения Китая царством Цинь в 221 г. до н. э. и правления первой многолетней династии — Хань — мало кто стал бы называть себя китайцем. Человек, который родился в регионе, соответствующем современной провинции Шаньдун, сказал бы, что он уроженец Ци, или, как в случае Конфуция, — уроженец Лу. Южанина бы знали как человека из Чу, Ба или Юэ. Родившийся в окрестностях нынешнего Пекина считался бы родом из Янь (это название, кстати, сохранилось в марке популярного пекинского пива «Яньцзин»). В древних текстах множество свидетельств того, что китайцы той поры вполне осознавали лингвистическое разнообразие своей страны. Источники упоминают и о необычной природе различных диалектов, и об использовании переводчиков. Сохранились истории, в которых многоязычие и речевая путаница служат поводами для развлечения или назидания. Так, одна

из них рассказывает о человеке из Чжоу, который пытался продать купцу из Чжэн освежаванных крыс. Купец вежливо отклонил предложение, когда понял, что спутал чжоуское слово «крысы» с похожим по звучанию чжэнским словом, означающим «необработанный нефрит» («Чжаньго цэ», Цинь, 100)*. То, о чем слышишь, не всегда соответствует тому, что получаешь. Ведь нефритом не наешься — если, конечно, ты не бессмертный, — а крыса будет странно смотреться в шкапулке с драгоценностями.

В те времена, когда великие мыслители Китая начинали формулировать свои идеи, государство Чжоу и некоторые его соседи из областей среднего и нижнего течения Хуанхэ стали называться Чжунго — это переводится во множественном числе как «Серединные царства». Тот же самый топоним — Серединное царство — стал применяться к Китаю в целом как национальному государству лишь при династиях Мин и Цин, сохранившись до нашего времени. Чаще, однако, та часть цивилизованного мира, которая находилась под управлением монарха, именовалась Поднебесной (*Тянься*). Тем не менее, пока философы и государственные мужи рассуждали о человеческой природе и человеческом поведении в более или менее универалистской манере, в Древнем Китае сохранялось убеждение, согласно которому регион с его самобытной почвой и местным климатом влияет не только на внешность людей, но и на их характер. По мнению некоторых, рождение в Серединных царствах позитивно сказывалось на темпераменте:

* «Чжаньго цэ» («Стратегии Сражающихся царств») — книга, посвященная истории Древнего Китая V–III вв. до н. э., которая содержит речи, беседы и послания, приписываемые историческим лицам, жившим в то время. Авторство книги точно не установлено, но составителем и первым редактором считается Лю Сян (I в. до н. э.). Главы даны в форме рассказов, иллюстрирующих различные стратегии и приемы, использованные Сражающимися царствами; всего в книге приводится двенадцать планов разных царств. — *Прим. пер.*

Разные земли родят каждая в соответствии со своим родом. <...> В прибрежных местах у людей часто болят ноги, воздух каменистых мест сообщает силу, а на пересеченной местности часто болят зубы. <...> На широких равнинах много добрых, а воздух холмов родит алчных. На легких землях живут подвижные люди, на тяжелых — медлительные. <...> В центральных землях много мудрых. Все следует образу своего эфира ци, все откликается своему роду. <...> На востоке люди вырастают большими, рано приобретают знания, но мало живут. <...> На юге люди рано созревают, но гибнут прежде времени. <...> На западе люди храбрые, но жестокие. <...> На севере люди глупы и неразвиты, подобны зверью, но долголетни. <...> В центре люди разумны и мудры («Хуайнаньцзы», 4.9, 4.13)*.

С учетом этих оговорок я буду называть множество народов и героев этой книги китайцами, а часть суши, на которой они жили и живут, — географическим Китаем.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕКОРАЦИИ

Китайская цивилизация зародилась на лёссовом плато** в бассейне реки Хуанхэ и ее притока Вэйхэ. Эпоха Шан (ок. 1600 — ок. 1045 гг. до н. э.), в которую появились самые древние формы письменности в виде гадальных надписей на панцирях черепах и костях животных, отмечает переход от доисторических времен к историческим периодам. Китайская философская мысль начинает складываться чуть позже, в период Чжоу (ок. 1045–256 гг. до н. э.). Она достигает расцвета в те примерно шесть веков, которые принято называть

* Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, цит. по: Философы из Хуайнани. Хуайнаньцзы / Пер. Л. Померанцевой. — М.: Мысль, 2004. — *Прим. пер.*

** Глинистая песчаная осадочная горная порода светло-желтого или палевого цвета. — *Прим. пер.*

периодом Сражающихся царств, или ранним имперским периодом (V в. до н. э. — II в. н. э.).

В этой книге я говорю о Древнем Китае, широкой кистью обрисовывая период примерно с IX в. до н. э. до II в. н. э. В этот тысячелетний отрезок вместились несколько этапов формирования государства. В те времена Китай постепенно превращался из рыхлого союза феодальных царств в единую империю — в этой форме он просуществовал до 1911 г., причем в некоторых политических сферах китайской жизни империя напоминает о себе до сих пор. В изложениях китайской истории эта полоса также именуется классической эпохой, так как первые исследователи, взявшиеся за изучение Китая, сравнивали ее влияние на китайскую цивилизацию с греко-римским периодом западной истории. В плане идейной эволюции эпоха Сражающихся царств и ранней империи совпадала по времени с классической эпохой Платона, Аристотеля и Александра Македонского в Древней Греции. Она заканчивается в годы поздней Республики и становления режима Августа в Риме.

Классическая эра Китая оказала значительное влияние на социокультурное и интеллектуальное развитие китайского мира. Она была отмечена зарождением народной литературы, развитием историографии и становлением административного учета. В то время в Китае появились величайшие философы и сложился канон текстов, которые еще много веков прямо или опосредованно определяли образ мышления каждого китайца, обладавшего положением в обществе. В те же времена на социальную арену вышли знаменитые политические деятели, которые заложили нормы и создали институты, оставившие глубокий след в китайской истории. Иногда эти столетия называют осевым временем; термин был предложен немецким философом Карлом Ясперсом (1883–1969), который обозначал им четырех- или пятивековой период, когда похожие философские идеи одновременно и вне прямых контактов зарождались в греко-римском мире, по всей Евразии, в Индии и Китае.

В Древнем Китае сформировался ряд представлений, которые позже составили основу китайского мировосприятия. Некоторые деятели, о которых мы будем говорить, до сих пор считаются столпами китайского интеллектуального и культурного наследия. Но было бы несправедливо сводить все богатство китайской мысли лишь к истории видных фигур, их работ и влияния на мир идей. Мы не смогли бы оценить всю ее широту и разнообразие и в том случае, если бы полагались исключительно на тексты, которые последующие поколения и ученые называли философскими. (Кстати, по поводу применимости этого термина даже сами философы не имеют единого мнения.) В трещинах и щелях между глыбами схоластической философии тоже можно обнаружить много интересного.

В конце II в. до н. э. историк Сыма Тань (ум. ок. 110 г. до н. э.), обзрев философскую панораму Древнего Китая, разделил ее на шесть течений. В этом ряду были натурфилософы (*инь ян цзя*), конфуцианцы (*жу цзя*), моисты (*мо цзя*, школа Мо-цзы), софисты или логики (*мин цзя*, «школа имен»), легисты (*фа цзя*, законники), даосы (*дао дэ цзя*). Добавим к этому списку множество других учителей и мастеров, в том числе военных стратегов, и мир мысли в Древнем Китае превратится в «сто школ» (*бай цзя*). (Числительное «сто» зачастую служило эквивалентом понятия «много».) Большинство учебников — как восточных, так и западных — остаются под влиянием этой парадигмы. Термин же «сто школ» обрел самостоятельную жизнь. Мао Цзэдун, запустив кампанию «ста цветов» в 1956 г. («пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»), вдохновлялся образом древнекитайских бродячих полемистов, но вскоре оборвал короткую жизнь этого движения, сочтя, что нездоровая критика пагубна для его личного авторитета.

Но и без Мао в рамках концепта «ста школ» признавались самые разнообразные мыслители, которыми изобилует Китай классического периода. Будет справедливым назвать

наиболее влиятельными из них конфуцианцев, даосов и легистов. Впрочем, древнекитайскую мысль не так-то просто свести к аккуратно разложенным по полочкам «школам». Такой подход предполагает, что идеи принадлежат конкретному человеку, что их можно приписать одному мыслителю или одному тексту. В последнее время ученые ставят под сомнение само понятие философской школы, поскольку оно ничуть не помогает разобраться в том, как идеи в Древнем Китае распространялись и становились частью канона. Они, как правило, передавались через поколения учителей и учеников, которые сообща занимались изучением и комментированием определенных текстов. Но, как мы убедимся далее, в реальности и сами идеи, и тексты, в которых они сохранялись, не отличаются упорядоченностью, а иногда и вовсе представляют собой гибридную помесь разных теорий. Идеи могут взаимодействовать самыми непредсказуемыми и оригинальными способами. Приписывание их той или иной школе вряд ли поможет нам постичь их смысл. Стоит также иметь в виду, что мы располагаем довольно ограниченной информацией о жизни и свершениях многих, если не большинства, ключевых китайских мыслителей. Поэтому не всегда удастся представить ту или иную мысль в качестве прямого изложения слова или текста одного конкретного человека.

Тем не менее некоторые мыслители и философские направления явно реагировали на какие-то воззрения, которые ими не разделялись. В этом смысле совершенно нормально представлять себе «школу» как ретроспективный метод объединения людей, обладающих схожими взглядами на определенные проблемы или опирающихся на одних и тех же учителей, те же понятия, тексты. Диалог был одним из основных форматов передачи идей. Это могли быть реальные или воображаемые разговоры учителя с учеником, правителя с советником, чиновника с начальником или даже позднего комментария с изначальной версией текста. Постановочные диалоги приписывались также вымышленным персонажам,

культурным героям или фигурам легендарного прошлого. Таким образом, флуктуация идей в древнем Китае была похожа на перемещения нефтяных пятен по поверхности воды: вот они выглядят связными, а вот их тянет в разные стороны, вот обрисовываются новые контуры, а вот они разлетаются в стороны, вот каждое набухает само по себе, а вот они соединяются в новое пятно. Будет легче понять социальные и политические предпосылки формирования этого интеллектуального ландшафта, если предварительно ознакомиться с историческим контекстом — основными фактами, событиями и деятелями.

ШАН

Старейшие письменные свидетельства, сохранившиеся в Китае, — гадальные надписи (формулы, предназначенные для предсказания событий), вырезанные на костях домашнего скота и черепаших панцирях. Эти короткие тексты в основном датируются XII—серединой XI в. до н.э. С тех пор как они привлекли внимание ученых в конце XIX в., удалось подтвердить датировку более двухсот тысяч подобных фрагментов. Надписи на костях кратки, в них отсутствует рефлексия, но все-таки они способны дать нам кое-какую информацию о религии людей эпохи Шан и их картине мира. В качестве высшей силы правители Шан почитали владыку Шан-ди*, который предводительствовал над сонмом духов природы. Шанский пантеон включал духов, которые позже займут важное место в китайской религии: это силы земли, гор или рек. Темы гадальных надписей, оставленных на костях, весьма разнообразны. Из них видно, что владыки Шан при гадании искали наставления в самых разных вопросах: помимо погоды, войны, охоты, здоровья правителя и его жен они

* Шан-ди — обожествленный верховный предок правящего дома. — *Прим. науч. ред.*

интересовались тем, когда приносить жертвы предкам, как эффективнее управлять, каким образом лучше преподносить и принимать дары. Черепашьи панцири или бычьи лопатки прижигали раскаленной кочергой, жрецы истолковывали появившиеся из-за этого трещины, а ответы на предварительно поставленные вопросы записывали на костях.

Неделя у людей эпохи Шан состояла из десяти дней. Довольно много домашнего скота (а также военнопленных, которых тоже считали по головам или ушам) отводилось для ритуальных жертвоприношений духам и предкам властителей. Мясо жертвовалось вместе с алкоголем. Когда выбиралось время жертвования, первостепенная роль отводилась предкам царствующих особ: их духов приглашали на церемонии. Хранившиеся в храмах таблички, представлявшие души предков, использовались для подношений во время ритуалов. Люди эпохи Шан представляли себе мир как квадратное пространство, по четырем сторонам которого лежат восточные, южные, западные и северные земли. В те времена, когда в ходу были гадальные кости, шанское общество оставалось в основном земледельческим: люди жили в небольших поселениях, окруженных полями. Властители Шан были способны мобилизовать около трех-пяти тысяч воинов, которыми командовали военачальники, выезжавшие к битве на легких конных колесницах. Эти колесницы, наряду с гадальными костями и церемониальными бронзовыми сосудами для подношений, находят в раскопках по сей день.

В шанском мире уже просматриваются некоторые элементы, которые будут иметь немалое значение для китайской мысли в последующие века. Среди них, например, представление о том, что природа населена духами, которых нужно задабривать и заклинать, чтобы заручиться хорошим исходом затеваемых дел. Здесь же представление о наиважнейшей роли, играемой предками в налаживании связи между человеческим миром и далекими, непостижимыми высшими силами и духами, а также убеждение в огромной значимо-

сти жертвоприношений для укрепления этой связи. В религии эпохи Шан уже видно, что для поддержания подобных ритуалов требуются солидные экономические ресурсы: угождать духам — недешевое удовольствие. Признание необходимости ритуалов, сопровождаемое призывами оправдать или умерить ритуальные затраты, становится одной из ключевых тем этических дискуссий, которым предавались мудрецы классического периода. Уже в IX в. до н. э. звучали призывы к бережливости в дни жертвоприношений, нередко превращавшихся, как мы предполагаем, в роскошные празднества. Церемониальные бронзовые сосуды, в которых предписывалось держать алкоголь, постепенно становятся все более редкими археологическими находками. Мы должны быть благодарны людям эпохи Шан за то, что они сохраняли архивы костей с надписями. Шанских гадателей можно считать первыми китайскими бюрократами. Ведение учета — включая его подтасовку — станет позже главным видом деятельности при дворах китайских императоров. В конце концов к завершению эпохи Шан правитель остается практически единственным прорицателем, общавшимся с духами. Если же кто-то, занимаясь гаданием, просил духов о чем-то таком, что могло вызвать недовольство владыки, то карьера такого человека обычно длилась не слишком долго.

ЧЖОУ

Около 1045 г. до н. э. правителей Шан свергли их западные соседи, Чжоу, поначалу опиравшиеся на прибрежные земли вдоль Хуанхэ в Северо-Западном Китае (современная провинция Ганьсу), но вскоре переселившиеся на восток, в плодородную долину нижнего течения Вэйхэ (современная провинция Шэньси). Они совершенствовали свои навыки в земледелии и развивали технологию ирригации. Чжоусцы считали высшей силой небеса (*Тянь*). Небо было для них не потусторонним или персонифицированным божеством, но безличной

силой, правящей всем сущим. Желание постичь волю Неба и стремление следовать ей стали важной темой китайской политической мысли. «Небеса покинули его» — так иносказательно описывали чье-то политическое фиаско.

Первые три столетия после падения Шан известны в китайской историографии как период Западного Чжоу. Владения Чжоу были объединением городов-государств, и, поскольку можно провести немало параллелей между царством Чжоу и средневековой Европой — среди них, например, ключевая роль наследственных дворян-воинов и система покровительства и защиты в обмен на труд и службу, — чжоуское общество зачастую именуется феодальным. Принципиально здесь то, что правитель Чжоу был номинальным и ритуальным главой всего государства, а трон наследовался по линии кровного родства. Социальную иерархию возглавляли правитель и дворяне. Члены царской семьи получали земельные уделы, а благородные семейства, которых они жаловали владениями, набирали воинов из числа своих вассалов и предоставляли их в распоряжение двора. То был мир, которым управляли союзы князей-аристократов, скрепленные ритуалами и долгом верности дому Чжоу.

Помимо документов, составленных в более позднее время, основными источниками информации о раннем периоде Чжоу выступают надписи на бронзовых сосудах. Самые древние части книг, которые прославились как «У цзин» — классическое конфуцианское «Пятикнижие», а именно фрагменты «Книги перемен» («И цзин»), «Книги документов» («Шу цзин») и большая часть «Книги песен» («Ши цзин»), тоже можно датировать первыми столетиями династии Чжоу. Народ государства Шан также создавал прекрасные бронзовые сосуды (рекомендую посмотреть их в Шанхайском музее или в Дворцовом музее в Тайбэе), но только на немногих из них есть надписи. Люди эпохи Чжоу, напротив, оставили тысячи сосудов с памятными надписями на их стенках. В них увековечены коронации правителей, жертвенные церемонии, королевские дары

или иные памятные события. Сосуды различаются по размеру и форме в зависимости от предназначения (самый крупный из ныне известных весит более восьмисот килограммов). Неудивительно, что большинство надписей заканчиваются пожеланием благословенного и долгого царствования правителю Чжоу и его наследникам. Количество сохранившихся сосудов периода Чжоу впечатляет: до наших дней дошло примерно двенадцать тысяч. Причем каждый год находят все новые сосуды, которые китайская земля таила более двух тысяч лет.

С политической точки зрения период раннего Чжоу известен тремя фигурами, которые позднее спровоцируют бесчисленные исторические аналогии и будут в равной мере восхваляться и порицаться. Владыка Вэнь (Вэнь-ван, годы деятельности — 1056–1050 до н. э.) правил Чжоу в мирное время, предшествовавшее падению Шан. Вэнь был известен высокими моральными качествами — именно он выступил с предложением о том, что последних правителей Шан, пьянчуг и дебоширов, правильнее будет сместить. Вэнь-ван стал образцом мудрости и благого правления. Вторая фигура — основатель династии Чжоу У-ван (годы деятельности — 1045–1043 до н. э.), военный вождь, который разгромил Шан в битве при Муе и построил новую столицу. Третьей фигурой, получившей наибольшую известность в качестве мудрого государственного мужа, стал брат У-вана Чжоу-гун, князь Чжоу (годы деятельности — 1046–1036 до н. э.). Чжоу-гун олицетворял просвещенное властвование. Будучи регентом при малолетнем Чэн-ване, он развивал государственные институты Чжоу и в последующие века пользовался репутацией правителя-мудреца, а также наставника, попечителя и доверенного наперсника своего царственного племянника. Когда юный наследник повзрослел, Чжоу-гун решил отойти от дел, внося вклад в формирование идеала, который многократно обсуждался в дальнейшей политической истории Китая, а именно представления о том, что уступка власти более легитимному, а следовательно, и более достойному правителю является добродетельным поступком.

На ранний период Чжоу назидательно ссылался среди прочих и Конфуций (551–479 гг. до н. э.): он считал это время золотым веком, когда мир (Поднебесная) был объединен под скипетром просвещенного владыки («Сына Неба»): «[Установления династии] Чжоу основываются [на установлениях] двух [предшествующих] династий. О, как они богаты и совершенны! Я следую им» («Лунь юй», 3.14)*.

771 год до н. э. принято считать началом второй фазы истории Чжоу. Это дата переноса царской столицы с запада на восток, из Хао, находившегося неподалеку от современного города Сиань, в область современного города Лоян в провинции Хэнань. Традиционная историография делит эпоху Восточного Чжоу на период Весен и осеней (*Чуньцю*) и период Сражающихся царств (*Чжаньго*). Царство Чжоу продолжало существовать в виде хрупкой конфедерации уравнивающих друг друга местных центров, сочетая разнонаправленные интересы и зачастую конфликтующие идентичности. Противостояние последних запечатлено в следующей истории:

В царстве Вэй, в городе Вэнь, был человек, который отправился в Восточное Чжоу. Люди в Чжоу не впустили его. Они спросили: «Ты чужак?» Человек из Вэнь, не колеблясь, ответил: «Нет, я свой». Тогда они поинтересовались, где именно он живет, но он не знал места и не смог ответить, поэтому служители задержали его. Чжоуский правитель велел его допросить: «Ты не из Чжоу, но не признаешь, что чужак, — почему?» Тот ответил: «Я с юности изучал “Книгу песен” [«Ши цзин»]. В ней есть стихотворение, в котором говорится: “Во всей Поднебесной нет ничего, что не было бы владениями императора. До самого края земли нет никого, кто бы не был слугой императора”. Ныне Чжоу

* «Лунь юй» («Беседы и суждения») — главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция из кратких заметок, фиксирующих высказывания и поступки учителя, а также диалоги с его участием. Здесь и далее цит. по изданию: Лунь юй / Пер. Л. С. Переломова. — М.: Восточная литература, 2001. — Прим. пер.

правит всей Поднебесной, а я слуга правителя, так как же я могу сказать, что я чужак? Вот почему я сказал, что я свой». Чжоуский правитель услышал это и отпустил этого человека («Чжаньго цэ», Чжоу, 42)*.

Впрочем, чжоуская версия идеи «все люди — братья» существовала недолго. Понемногу власть правителей Чжоу становилась все более номинальной. По мере того как они утрачивали контроль над местными князьями, территория Чжоу распадалась на мозаичное пространство из сотен отдельных земель и миниатюрных государств. Около пяти веков эти конкурировавшие территориальные образования и их профессиональные армии были вовлечены в непрерывающуюся и запутанную череду соперничеств, захватов, битв, договоров и союзов. Таким образом, два с половиной столетия (481–221 гг. до н. э.), когда семь ведущих государств — Янь, Ци, Вэй, Чжао, Хань, Цинь и Чу — с особенным ожесточением боролись за доминирование, с полным основанием стали называться периодом Сражающихся царств.

По мере того как сеть городов-государств Чжоу и их вассалов-союзников распадалась, на ее месте возникали сражающиеся царства: «сражающиеся», поскольку ведение войны и обеспечение себе боевого превосходства стали их главной задачей; «царства», потому что новые правители стремились создать территориальные политические образования. Такое сражающееся царство стремилось одолеть соперников любыми средствами: стратегическими, военными или какими-то иными. Первые строчки самого известного военного труда того времени, трактата «Искусство войны» («Сунь-цзы бин фа»), излагают это с пугающей однозначностью: «Война — это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять»**.

* Пер. с древнекитайского науч. ред. — *Прим. ред.*

** Здесь и далее цит. по: Сунь-цзы. Искусство войны / Пер. Н. И. Конрада. — М.; Л., 1950. — *Прим. пер.*

Стоит подчеркнуть, что философия китайских мудрецов складывалась именно в эту эпоху политического и военного раздора. Повсеместный хаос, должно быть, воспринимался ими как конец света. Многие мыслители происходили из утративших свое бывшее общественное положение семей второстепенной аристократии. Они путешествовали от двора ко двору как странствующие ученые-воины, как служилые люди, предлагавшие свои размышления кому угодно, готовому пообещать поддержку и покровительство. Правитель в первых строках «Мэн-цзы» говорит: «Старец! Не посчитав далеким расстояние в тысячу ли, ты все же пришел сюда, значит, тоже имеешь сказать нечто такое, что принесет выгоды моему владению?» («Мэн-цзы», 1А.1)*.

Из феодальной конфедерации городов-государств и возвышавшихся над ними гегемонов, скрепляемой воедино родственными связями и ритуальным долгом, Китай превратился в конгломерат царств, каждое из которых обладало собственной армией, управленческими институтами, границами и податным населением. Власть сосредоточивалась в руках одного монарха, который окружал себя советниками и министрами. Государственная и политическая жизнь вращалась вокруг правителя даже в большей степени, чем в предшествующую аристократическую эпоху. Считалось, что обществу лучше всего живется при монархическом правлении, под властью единственного и неоспоримого владыки. Почти все чиновники и философы того времени размышляли над идеей, которой суждено было стать главным постулатом китайской политической мысли: над представлением о том, что политические режимы эффективнее функционируют там, где власть сосредоточена в руках единоличного правителя и его двора, которые опираются на помощь оплачиваемых государством чиновников, утверждающих волю властного центра по всему царству.

* Здесь и далее цит. по: Мэн-цзы / Пер. В. С. Колоколова. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. — *Прим. пер.*

Карта 1.1

Карта доимперского Китая в период Сражающихся царств

- Крепостные стены
- Территории Сражающихся царств
- Сегодняшние границы

